

МАЛЬЧИК ИЗ ЛЕГЕНДЫ
(Документальный рассказ)

ГАЛИНА ИЮЛЬСКАЯ,
журналистка (Германия)

«...26 апреля 1945 г. в г. Берлин во время боя т. Эйхман заметил нашего раненого офицера. Пренебрегая смертью, т. Эйхман подполз к раненому, затрачивая последние силы, оттащил его в безопасное место» (из наградного листа от 10 мая 1945 г.).

Мальчик из легенды... Письмо в редакцию было коротким: «Нашу местность освобождала 80-я Гвардейская Уманская Дивизия. В этой дивизии был сын полка — мальчик из советских немцев Саша Эйхман. Он свободно говорил по-немецки и очень хорошо играл на баяне. С баяном, в который был вмонтирован радиопередатчик, он не раз ходил во вражеский тыл и сообщал оттуда данные о противнике советскому командованию...».

Отец Саши умер очень рано. Мать, тихая, робкая женщина, с тревогой думала о будущем: как прожить одной с четырьмя детьми? В это время приехал свёкор.

— Слушай, Валентина. Давай-ка я возьму этого чертёнка к себе в лес. Так будет лучше и для тебя, и для него. Пусть он у нас хоть набегается вволю...

Чертёнок — это был шестилетний Саша. Крепенький, здоровый, но маленький ростом, он был всегда полон энергии и выдумки. Его прищуренные голубые глаза то и дело давали понять: опять он что-то замышляет. Уследить за ним было невозможно. И справиться — тоже. Поэтому после отъезда свекра с Сашей мать вздохнула с облегчением: одной заботой стало меньше.

Жизнь в доме деда-лесника была Саше знакома: ещё при отце он бывал здесь не раз. Понимал он, в отличие от матери, русской по национальности, и язык отцовых родителей, говоривших между собой по-немецки. У деда с бабкой Саша чувствовал себя вольготно. Ему нравилось все: и деревянный дедов дом, и живописная тайга вокруг, и речки Боганка и Увара, сходящиеся здесь. Но больше всего нравилась свобода. С утра и до позднего вечера Саша пропадал на речке, ловил рыбу или строил плот, один ходил в лес. Дед, знавший на своём участке каждую травинку, не боялся, что внук заблудится, и терпеливо учил мальчика азбуке тайги. Вскоре Саша уже различал следы в лесу, знал повадки зверей, умел ориентироваться по солнцу и по различным приметам. Часто дед брал его с собой на обходы, не раз с отдалённых участков посылал он внука домой одного, и ни разу тот не заблудился. Вскоре лес стал для Саши вторым домом, знакомым и родным.

Мальчик из легенды... Дед, Генрих Эйхман, сибиряком был не по рождению. Происходил он из Саратовской губернии, где в молодые годы служил лесником у крупного помещика. Хозяйский лес он должен был беречь прежде всего от «мужицкого

сброда». Однако молодой лесник не очень строго следовал этому требованию. Как-то хозяину попался на глаза крестьянин с вязанкой хвороста, идущий из леса. В страхе тот признался, что хворост взял с разрешения лесника. Разбирательство было недолгим: в ярости помещик ударил лесника кнутом. Когда же он замахнулся во второй раз, хомут, который лесник держал в это время в руках, обрушился на хозяйскую спину. Видевшие это вспоминали потом, что никогда ещё добродушное лицо лесника не горело таким гневом.

Ссылка в Сибирь, и навечно — таков был приговор суда. Но это не сломило молодого лесника. А Елена, его жена, сказала: «Сибирь так Сибирь. И там люди живут».

Лес был для Генриха Эйхмана любовью и призванием. Он отдал ему много сил и жизни. Здесь, в Сибири, родилось у Генриха и его жены десять детей, для которых эта земля была уже родной. Когда Саше исполнилось шесть лет, дед подарил ему охотничье ружье.

— Генрих, ты с ума сошёл! — всплеснула руками бабушка.

Но старик лишь посмотрел с доброй улыбкой на тонкие руки мальчика и сказал:

— Он сильный. — На этом разговор был окончен.

Мальчик из легенды... Видеть внука с ружьём бабушка не могла. Она отворачивалась и тяжело вздыхала. А однажды вечером достала из сундука баян.

— Вот, я тоже хочу тебе кое-что подарить, — сказала она мальчику. — С сегодняшнего дня он твой, — и лукаво посмотрела на изумлённого деда.

Учителем Саши стала сама бабушка Лена, игравшая на многих инструментах и знавшая ноты. У Саши оказался хороший слух. Раз услышанную мелодию он мог быстро подобрать. Дед, подсмеивавшийся вначале над этим занятием, был тоже доволен: теперь по вечерам в доме звучала музыка. Доволен он был успехами внука и в мужском деле: у Саши был верный глаз и твёрдая рука. К тому же мальчик не знал усталости во время долгих лесных переходов с ружьём на плече, положиться на него можно было и в работе.

Знали ли дедушка и бабушка, какую судьбу готовит жизнь их внуку? Конечно, нет. Но если бы и знали, вряд ли смогли подготовить его к ней лучше, чем они это делали.

В одной сбруе, с оборванными постромками, без саней и ездока, влетела в ворота, дико храпя, лошадь. «Дедушка!» — мгновенно пронеслось в голове у Саши. Рано утром дед уехал в лес, чтобы наполнить сеном кормушки. Белее мела кинулась со двора бабушка.

— Генрих, — кричала она, почти потеряв голос, — Генрих...

Она послала внука в ближайшее село за помощью. Но пока приехали, дедушка был уже дома. Он лежал на кухне в луже крови, а бабушка, сама не своя, рвала простыни, перевязывала мужа, представлявшего собой сплошной кровоточащий кусок мяса.

Наутро Саша с соседом поехали в лес. Вначале они нашли сани. Потом добрались до луга, где стояла кормушка. Здесь их взору предстала ужасная картина: окровавленный снег, клочья одежды, разорванная на куски собака и безжизненное тело огромного медведя.

Десятилетний мальчик хорошо мог представить себе, как все произошло. Нашёл он и место, где прятался бурый медведь, знавший, что у кормушки с сеном он не останется

голодным. Лишь одного не мог понять Саша: как тяжело раненный дед смог все же добраться до дома, откуда он взял столько сил и мужества...

Мальчик из легенды... Встать дедушка уже не смог. Как ни старалась бабушка, применяя все свои снадобья и травы, ему становилось все хуже и хуже. И вот наступил конец. Это было в 1940 году.

Ночь была холодной. Саша опять пытался укрыться в деревянной дождевой бочке. Стуча зубами, он ёрзал и вертелся во все стороны, однако солома, положенная вниз, не согревала, а тонкое короткое пальто не защищало худенькое тельце от ноябрьских морозов.

Саша старался не думать о холоде. Окоченевшие руки он просовывал в рукава пальто, пытаясь их согреть. Нет, спать нельзя, замёрзнешь. Он знал, что в доме, так же как он, не спит его мать. Она наверняка плачет, тихо плачет в подушку, сдерживая рыдания, чтобы не разбудить свою властную сестру.

У неё они жили с сентября. Тогда мать получила с фронта известие, что погиб её второй муж, тихий, добрый человек. Несчастье совсем сломило мать, и тётка поступала с ними, как ей вздумается. Она кричала на них, била, ругалась, то выгоняла из дома, то разрешала вернуться.

Мать принимала все безропотно, хотя только благодаря её умению шить — она обшивала всех, и тётку в том числе, — им удавалось жить относительно прилично в этот нелёгкий первый год войны.

А Саша, наблюдая, как мучается мать и как издевается над ними тётка, еле сдерживал себя. Как она вчера оттаскала за волосы их Нинку! И все лишь потому, что шестилетняя девочка разбила чашку, когда мыла посуду. А мать? Она только вздыхала. Саша все же отомстил за сестрёнку. Улучив мгновение, когда тётка вышла из комнаты, оставив работу, он нагрел на печке тёткин напёрсток. Как она подскочила, когда, вернувшись, сунула в него палец! Нинка тотчас засмеялась, а он даже глазом не моргнул. Конечно, тётка сразу догадалась, чьих это рук дело.

— Сегодня в доме лучше не появляйся! — заявила она ему. — Забирай вещи и уматывай! — и вышвырнула его за дверь.

Мальчик из легенды... Саша уже не чувствовал ног. Нет, надо вылезать из бочки. Он вприпрыжку пробежал несколько кругов по двору. Когда же кончится эта проклятая ночь! Он посмотрел на небо: сухие колючие снежинки упали ему на лицо. А мороз, казалось, становился все сильнее. Посёлок спал. Какая тишина вокруг! А ведь идёт война. Где-то гремят взрывы и стреляют, где-то умирают люди, кто-то совершает геройские поступки, а он — он сражается здесь с собственной тёткой. Нет, дальше так нельзя. Как только наступит утро, он уйдёт на фронт. А с собой он возьмёт только баян, свою память о дедушке с бабушкой. С ним он как-нибудь проживёт: будет играть солдатам, а они накормят его.

Загремел засов. Значит, уже шесть часов, и для него настало время приниматься за работу.

— Входи, дьявол! — услышал он голос тётки. — Там мать завернула тебе еду, возьми и убирайся!

Саша проскользнул мимо тётки в дом, прошёл на кухню, быстро засунул в мешок бутылку разбавленного молока, три холодных картофелины, горбушку хлеба, прихватил баян и вышел во двор. Дверь за его спиной сразу захлопнулась.

Через несколько минут он уже был за селом и шагал в сторону железнодорожной станции. Там, он слышал, формируются отряды для отправки на фронт. Сколько же километров до станции? Сорок, пятьдесят? Саша точно не знал. Но все равно он туда дойдёт!

Глина на дороге, ещё недавно доходившая до колен, замёрзла, и шагалось легко. Только бы не растаяло днём, а то в старых ботинках, где дыра на дыре, далеко не пройдёшь.

В этот ранний час на дороге, ведущей через лес, не было ни души, но Саша не боялся: в лесу он чувствовал себя как дома. Тихо поскрипывают и потрескивают деревья, шуршит снег, падая с темных еловых веток. Вот и Боганка. Кое-где она уже покрыта тонким льдом. С высокого берега Саша ещё раз обернулся на родное село: высоко в небо поднимался дым из печных труб. Жаль, конечно, что он не смог попрощаться с матерью. Но вот доберётся до фронта, решил он, сразу напишет ей!

К обеду Саша был уже на берегу Тобола. Река ещё не замёрзла, значит, паром должен ещё ходить. Саша сел на землю, снял с ноющих плеч лямки мешка. В бутылке оставался глоток молока, а хлеб и картошку он уже съел. Усталость одолевала его, но он все же заставил себя снять башмаки, насквозь промокшие от снежного месива. Ног он не чувствовал. Саша стал растирать их, шевелить пальцами, и они постепенно начали отходить. Затем он отжал мокрые стельки и снова надел башмаки.

Мальчик из легенды... «Так, половину пути я прошёл, — сказал он себе, переправившись на другой берег. — Ещё столько — и буду на станции».

Но дальше дорога оказалась хуже. То и дело попадались глубокие ямы, наполненные водой, ботинки вязли в липкой грязи. Но Саша уже не обращал на это внимания, он шёл, еле передвигая ноги. Красные круги плыли перед глазами, думать о чем-нибудь он уже не мог. Хотелось одного: упасть и заснуть.

Он не помнил, как очутился вдруг перед скирдой соломы, как прислонился к ней и тотчас провалился в небытие. Последнее, что он почувствовал, это холод, проникающий откуда-то за воротник... Очнулся Саша в кровати. Вокруг была белая тишина лазарета. Оказалось, его нашли в скирде возвращающиеся со стрельбища солдаты и, полузамёрзшего, на руках донесли до станции, где сразу доставили в лазарет.

На Димку можно было положиться. Это Саша понял сразу, как только увидел его. А дружба их началась после того, как Димка предложил Саше покататься на его лыжах.

Мальчики были сыновьями одного полка. Но интересы у них были совсем разные. Саша играл в полковом оркестре или пропадал у радистов, которые не переставали удивляться его тонкому слуху и тому, как быстро он овладел азбукой Морзе. Димкиной же страстью были лошади. Он всё на свете готов был отдать за то, чтобы быть с ними, но его почему-то даже близко к ним не подпускали.

Через несколько недель у обоих созрел план. В полку им дальше оставаться было нельзя. Их жизнь в полку мало чем отличалась от жизни прошлой, домашней. Конечно, они носили форму и в нагрудных карманах гимнастёрок у них были даже

красноармейские книжки. Но, как и все дети, они должны были и здесь каждый день учиться. Разве это фронтовая жизнь?

Димка случайно узнал, что скоро одна часть будет отправлена на фронт. Упустить такой случай нельзя было никак. Только бы им добраться до фронта!

И вот настал день, когда Димка, запыхавшись, прибежал и объявил:

— Вагоны готовы... сегодня ночью...

Когда стемнело, они спрятались недалеко от поезда. Бойцы сновали вдоль состава, грузили что-то в вагоны, перекрикивались. Саша и Димка терпеливо ждали.

Наконец Димка скомандовал:

— Вперёд!

Мальчик из легенды... Они бесшумно прошмыгнули к первому вагону, который только что покинули бойцы, и забрались в него...

Уже миновали Урал, когда дневальный, подметавший вагон, под хохот бойцов вытащил их из-под нар. На ближайшей станции мальчиков передали милиции. Под конвоем отправить домой — таков был приказ.

«Юдино», — прочитал Димка название станции, когда они в сопровождении пожилого милиционера шли в комендатуру.

— Дяденька, где мы? До фронта далеко отсюда?

Милиционер засмеялся:

— Да вы почти до самой Казани добрались. Семь километров осталось.

Воинский состав уже тронулся. Когда они шли по переходному мосту, Саша глянул вниз, где стоял пассажирский поезд. Как можно равнодушнее он спросил:

— А что это за поезд?

— Московский, — ответил милиционер.

В этот момент вагоны дрогнули. Саша посмотрел на Димку, и, поняв друг друга без слов, они рванули вниз по лестнице. Поезд уже набирал скорость, за оконными стёклами мелькали лица. Саша подпрыгнул, ухватился за поручень и вскочил на подножку. С подножки соседнего вагона ему махал рукой Димка...

Им повезло. Недалеко от Москвы они обнаружили на запасном пути «свой» поезд. Мальчишки решили обратиться прямо к командиру. Сказали, что у милиции не нашлось сопровождающих и вот они по ошибке поехали в обратном направлении. И командир сдался, оставил их при эшелоне с тем, чтобы вернуть назад, как только пополнение будет передано по назначению.

Но на этот раз Димка и Сашка были умнее. Они объявились в штабе полка, куда было передано пополнение, в то время как сопровождающие уехали обратно. И ещё раз им повезло: Сашу отправили к радистам, а Димка — Димка попал, наконец, к лошадям. Вскоре, однако, сидение на рации Саше надоело. Совсем близко слышались пушечные выстрелы, всего в нескольких километрах идут бои, а он сидит здесь и принимает какие-то сообщения.

— Пойдёшь со мной? — спросил он Димку.

Но тот только удивлённо посмотрел на него. Уйти сейчас, когда сбылась его мечта?

Саша не обиделся на друга. Он отвёл его в сторону и попросил:

— Никому не говори, что я убегу.

В этот вечер он попрощался с Димкой Черкашиным надолго. Встретились они лишь взрослыми...

И снова шлёпает Саша по снежному месиву. Сзади послышался нарастающий рёв моторов — танки. Один танк остановился, люк его открылся, и из него высунулась голова в шлеме.

— Ты что здесь делаешь? Ведь фронт совсем близко! А ну, быстро сюда!

Мальчик из легенды... И вот Саша сидит в настоящем танке!

Когда они добрались до части, уже стемнело. Вылезая из танка, Саша увидел идущего к ним офицера. Он обречённо прыгнул на землю: прятаться за спину танкиста было поздно.

— А это кто такой? — строго спросил офицер.

— Да вот, товарищ командир, подобрали по дороге. Все-таки в форме, и мы думали...

— Доставьте его в штаб, — приказал офицер.

В штабе было людно. Только что доставили двух «языков» и готовились допросить их. Саша, никем не замеченный, тихонько сел в угол.

— Неужели нет никого, кто бы хоть немного говорил по-немецки? — раздражённо спросил полковник.

Спустя некоторое время вошёл младший лейтенант.

— Немецкий знаете? — спросил у него полковник.

— Учил в школе.

— Будете переводить!

Ввели пленных. Саша обернулся. Так вот они какие, фашисты. Высокие, крепкие, с небритыми лицами, в грязной форме. У одного на рукаве виднелась кровь. Глаза его сверкали — то ли от злости, то ли от страха. Да и сам Саша от испуга вначале ничего не мог понять из их разговора, однако уже скоро ему стало ясно, что переводчик не понимает пленных, а те — его.

— Спросите, — приказал полковник уже нетерпеливо, — где сосредоточены их основные огневые точки?

Младший лейтенант то краснел, то бледнел, но перевести «огневые точки» не мог.

— Фойерштеллен! — вырвалось у Саши.

Присутствующие удивлённо посмотрели на него, забившегося в углу.

— А ну, подойди-ка сюда! — приказал полковник. И когда Саша, дрожа от страха, подошёл, спросил его: — Ты что, понимаешь, что они говорят?

— Да.

Саша стал переводить. Оба немца проникли за линию фронта, чтобы корректировать огонь немецкой артиллерии. Был у них и радиопередатчик, он спрятан в лесу.

— Откуда ты так хорошо знаешь немецкий? — спросил полковник после допроса, когда они пили чай.

— Дедушка и бабушка всегда говорили по-немецки. У них я и научился.

— Откуда же ты родом?

— Из Сибири.

— А мать как зовут?

— Валентина. Валентина Белоногова.

— А фамилия твоя, значит, Эйхман? — задумчиво произнёс полковник. — Ладно, завтра пойдёшь в штаб дивизии. А там посмотрим...

Мальчик из легенды... То, что Саша знал немецкий язык, хорошо играл на баяне, мог работать на радиопередатчике, определило его судьбу. Он стал сыном полка 298-й стрелковой дивизии, которая позднее, после битвы под Сталинградом, была переименована в 80-ю Гвардейскую, а после освобождения Умани на Украине получила почётное звание «80-я Гвардейская Уманская Дивизия».

А тогда, в апреле 1942 года, дивизия, входившая в состав 50-й Армии, занимала позиции в Калужской области и перед ней была поставлена задача: очистить от врага лес, занять населённые пункты Фомино-1 и Фомино-2, а также высоты, через которые шло шоссе. После этого предстояло наступление, чтобы соединиться с войсками, оказавшимися во вражеском тылу.

Немцы прекрасно понимали, что в случае удачного прорыва советских войск их группировке будут отрезаны как подъездные пути, так и дорога к отступлению. Поэтому они сконцентрировали в этом месте значительные силы и построили разветвлённую сеть оборонительных сооружений. Все населённые пункты, расположенные вдоль шоссе, были укреплены для круговой обороны. С высот, занятых фашистами, шоссе было как на ладони. Наши же войска находились в болотистой низменности, в тот апрель почти полностью затопленной. Солдаты, иногда по грудь в воде, переносили ящики со снарядами к линии обороны; транспортные средства пройти здесь не могли.

Мальчик из легенды... Вот уже два часа пробирался Саша один через лес, снова и снова проваливаясь в тающий снег. Сапоги, брюки, телогрейка — все было мокрым. Однако разжечь костёр и высушиться было нельзя: он находился уже во вражеском тылу.

До ничейной полосы его провожали разведчики. Почти всю дорогу они несли мальчика на руках, чтобы сэкономить ему силы, а когда он сопротивлялся, говорили:

— Погоди, ещё успеешь натопаться по воде.

Один из провожатых нёс его баян. И вот теперь баян казался Саше свинцовым. Лес поредел. Уже видно поле. Если он не сбился, скоро должно появиться Фомино-1.

Вдруг Саша услышал голоса. Он быстро присел и бесшумно лёг в снег. По карте на этом поле значились немецкие позиции, и Саша должен был теперь выявить подходы к ним.

К этому заданию Саша готовился долго и основательно. В тот день, когда Сашу доставили к командиру дивизии полковнику Васильеву, он должен был сыграть что-нибудь на баяне. Полковник внимательно следил за игрой, потом сказал:

— Ну-ка, дай его сюда!

Он осмотрел баян со всех сторон, покачал его на руках, будто взвешивая, а на другой день Сашу снова вызвали в штаб. Рядом с полковником сидел молодой капитан.

— Послушай, Саша, — сказал полковник. — Другого выхода у нас нет. Ты знаешь, из-за этой проклятой высоты мы вот уже несколько недель не можем продвинуться вперёд. Нужно идти к фашистам, разведать, что и как. Вот капитан подготовит тебя к выполнению задания.

В последующие дни Саша с баяном в руках сидел около патефона и слушал немецкие песни. Он быстро запоминал мелодии и уже в скором времени мог их сыграть. А потом в баян вмонтировали радиопередатчик, и Саша тренировался работать на передатчике, одновременно играя заученные мелодии.

И вот вроде все уже получается. Но капитан недоволен:

— У тебя слишком серьёзное лицо. Старайся выглядеть непринуждённой, свободной, играй веселей. Ведь на тебя будут смотреть, нельзя, чтобы кто-нибудь заметил, что тут что-то не так...

И Саша учился играть веселей. Он играл «Розамунду», игриво поводя плечами, подмигивая и улыбаясь во весь рот.

— Ну вот, теперь лучше, — похвалил его капитан. — Теперь, главное, закрепить.

Мальчик из легенды... Потом они с капитаном лежали целыми днями на ничейной территории в снегу и следили за немецкой передовой. От холода и сырости немели руки и ноги, от сверкающей снежной белизны болели глаза. Но теперь они точно знали, когда, на каком участке заступает патруль и где удобнее попытаться перейти линию фронта.

Вновь и вновь повторял Саша про себя свою «легенду»: «Меня зовут Генрих, я из российских немцев. Во время коллективизации у моих родителей отобрали дом, хозяйство и выселили их в Сибирь. Отец не выдержал тяжёлой работы и сибирского климата. Мать не смогла прокормить нас, четверых детей, поэтому я вынужден был уйти из дома и с тех пор брожу по стране. Когда пришли немцы, я пошёл на запад, им навстречу...».

Опять все стихло. Саша огляделся. На изрытом окопами поле тут и там виднелись редкие кусты. Села не было видно. Саша выбрал для ориентира один из дальних кустов и осторожно, прячась за бугорками земли и сугробами, пополз к нему. Лямка больно врезалась в плечо, глаза заливало потом.

Уже стемнело, когда он подполз к полуразрушенному дому на окраине села и, напрягая последние силы, пробрался внутрь через дыру в стене. На печи он нашёл какое-то тряпье, в которое и завернулся прямо в своей заледенелой одежде и, дрожа от холода, продремал до утра. Утром, выждав время, он незаметно вылез наружу и задворками начал пробираться к центру села, откуда доносились шум моторов и голоса. После очередного поворота он увидел немецкий грузовик и возле него группу солдат, собиравшихся завтракать. Решительный момент наступил. Саша прошёл к крыльцу ближайшего дома, устроился на нем, вытащил баян и начал потихоньку играть. Музыка сразу привлекла внимание. Вскоре Саша сидел уже в кругу солдат и играл одну мелодию за другой.

То, что играл Саша, немцам нравилось. Они улыбались, похлопывали мальчика по плечу, угощали его сигаретами, а когда Саша начинал говорить с ними, то подсмеивались над его диалектом и произношением.

Саша становился все раскованнее. То, что немцы понимают его, а он их, придавало ему уверенности. Правда, он боялся, что придёт офицер: офицеров ему было приказано избегать. Но, как он понял, и сами солдаты не очень-то жаждали прихода офицеров.

Наконец он решился сыграть «Розамунду». И когда солдаты радостно начали подпевать, заработал мизинец правой руки Саши: точка, точка, тире, точка...

«Благополучно прибыл. В центре Фомино-1 находится вторая оборонительная линия. На западном фланге шесть пушек под маскировочной сеткой, батарея гаубиц...».

Два дня провёл Саша у немцев, курсируя между Фомино-1 и Фомино-2. Он старался держаться поближе к шофёрам грузовиков — те охотно брали его с собой, когда нужно было подвезти снаряды или продовольствие. От него требовалось только, чтобы он играл им в дороге. И Саша играл, а одновременно запоминал все, что касалось вражеских позиций и укреплений. Эти сведения он мог посылать из разных мест, не опасаясь, что его радиопередатчик запеленгуют.

На третий день одетый в лохмотья «немецкий мальчик из России» исчез из Фомино-1 так же внезапно, как и появился в нем...

Мальчик из легенды... Дороги войны! Сколько их было пройдено Сашей! Военная судьба занесла его на Волгу, на Сталинградский фронт, затем на юг страны — на Котлубань и Умань. Довелось участвовать ему в битве на Курской дуге, в боях под Ленинградом, а затем пройти через всю Польшу до Берлина.

Мальчик из легенды... Целыми неделями бывал он совсем один среди врагов, наедине с опасностью, что обнаружат рацию, боролся с холодом и голодом. Ему собственными глазами приходилось видеть, как мучили и убивали его соотечественников — советских людей, как гибли друзья и однополчане.

Ещё в первый год войны он почти научился спать. Даже после возвращения с труднейших заданий он, изнемогающий от усталости, не мог заснуть. Привычкой стало отзывать на малейший шорох.

23 февраля 1944 года, как раз в День Советской Армии, Саша принял присягу. Было ему тогда тринадцать лет.

К этому времени советские войска наступали уже на всех фронтах. В болотах под Выборгом завязались долгие бои с финскими частями.

Саше несколько раз приходилось пересекать передовые линии, чтобы собрать сведения об артиллерийских позициях противника, о том, где и как сможет пройти техника через эти проклятые болота. Промокший насквозь, вымотанный, вернулся он со своего последнего задания.

— Ложись и как следует — выспись! — сказали ему.

Саша забрался в угол блиндажа, натянул на голову одеяло. Уже сквозь дрему услышал он разговор бойцов перед блиндажом.

— Мальчишка, а на баяне играет — закачаешься!

— А откуда он?

— Да вроде из-за линии фронта, — раздался опять первый голос.

— Ребята, может, разбудим его? Я так давно не слышал музыки! — Саше даже показалось, что говоривший тяжело вздохнул.

— Я разбужу его, — произнёс опять первый голос. — Может, меня завтра уж и в живых не будет, хоть послушать ещё разок в жизни...

Саша почувствовал, как кто-то легонько трясёт его за плечо. Он открыл глаза.

— Послушай, парень, может, сыграешь для нас, а? — солдат пристально посмотрел на Сашу. — А я тебе за это пистолет подарю, бельгийский. Ни у кого такого нет.

Саша встал, взял баян и вышел из блиндажа. Как только он заиграл, бойцы придвинулись поближе. Саша играл и видел, как глаза мужчин наполнялись слезами. Глухими, ломкими голосами они пытались подпевать. Саша смотрел на усталые суровые лица. Как редко удавалось ему поиграть для своих и как часто он должен был играть для врагов! А ведь кого-то из тех, кто слушает его сейчас, завтра уже и в живых может не быть, как нет сегодня дяди Васи, повара. Ещё вчера, увидев проходящего мимо Сашу, он окликнул его: «Иди, пообедай, пока не остыло!». Саша лишь на минуту зашёл в землянку командира, передал пакет из штаба. А когда вернулся, не было уже ни дяди Васи, ни его полевой кухни — только огромная воронка от мощного артиллерийского снаряда дымилась на этом месте...

Мальчик из легенды... Раздался крик сержанта: где-то повреждён провод и нарушена связь с командным пунктом. Бойцы разбежались по своим местам.

— Давайте я посмотрю, где обрыв, — вызвался Саша.

— Ну что ж, вперёд, парень! — принял его предложение сержант.

Пропуская через одну руку провод, Саша другой отодвигал ветки. Он пересёк низину и вышел к реке. Было жарко, июньское солнце пекло. Саша спустился с крутого берега, подошёл к воде, нагнулся, чтобы напиться, и тут почувствовал, что он

здесь не один. Мгновенно шмыгнув в кустарник, Саша увидел фашиста, который крался вдоль берега, наблюдая за советскими батареями.

— Руки вверх! Сесть! — Саша выскочил из укрытия, направил пистолет прямо фрицу в лицо. Другой рукой он выхватил нож, перерезал ремень, на котором у того висел автомат, и приказал ему идти вперёд.

В этот момент к ним подоспел и связист, посланный навстречу Саше с другого командного пункта. Вместе они доставили фашиста на батарею. У него оказалась карта, на которую уже были нанесены советские позиции. За этот случай Саша Эйхман был награждён медалью «За отвагу».

— Обещай мне, что ты будешь осторожен! Помни, ты мне не кто-нибудь, а сын! — Полковник прижал Сашу к груди, вздохнул и легонько подтолкнул его к выходу: — Ну, иди!

Командир тридцать четвертой механизированной бригады 2 танковой Армии полковник Николай Охман всей душой привязался к Саше. С того самого дня, как мальчик был приписан к его части, Охман заменял ему отца. «Война войной, а ребёнок остаётся ребёнком, ему нужны любовь и забота, он должен учиться, его нужно воспитывать» — так

рассуждал Охман. У Николая Петровича не было своего сына. Была дочь, но далеко отсюда, а этот мальчишка уже несколько лет наравне со взрослыми несёт на своих худеньких плечах все тяготы войны. Старый солдат, Охман хорошо знал, что это такое. Знал он и то, что, если Саша после войны не найдёт своих близких, он возьмёт его к себе. А теперь каждый раз, посылая Сашу на задание, он мучился и не находил себе места, пока тот не возвращался.

Саша лежал в укрытии и дрожал от холода. Сколько он уже пролежал здесь? Операцию по заброске его в Краков они готовили с Охманом. обстоятельно изучили вражескую передовую, ощупали биноклем каждый бугорок на местности. Охман очень переживал, что было так холодно: лохмотья, в которые одели Сашу, не согревали, а тёплую одежду дать ему было нельзя — могла бы вызвать у врагов подозрение и навредить делу.

— Ты, если уж совсем холодно станет, подумай о чем-нибудь приятном, теплом, — постарался он пошутить на прощанье. — И чтоб вернулся целым и невредимым! — пригрозил он Саше.

— Все будет хорошо, не впервой, — отшутился Саша.

На этот раз у него было особенно трудное задание.

Взорвав мост через Вислу, фашисты укрепились по её берегу. Однако единственным вариантом для атаки было наступление со стороны реки. Она была покрыта льдом. Выдержит ли лёд Вислы танки? Это и надо было Саше выяснить.

Мальчик из легенды... Опять полуразрушенный дом, опять он ждёт. Пойти напрямик к реке — значит быть сразу подстреленным: немцы открывают огонь при малейшем подозрении. Даже предупредительные щиты везде наставили: подходить к берегу запрещено. Придётся дожидаться метели, чтобы пробраться к реке незаметно.

Из своего укрытия Саша видит, как к немецким позициям подъехала полевая кухня. И тут ему пришла в голову идея.

Мальчик из легенды... Завтракавшие солдаты, увидев бредущего к ним оборванного мальчика со старой консервной банкой в вытянутой руке, заготовали.

— Есть хочу! Дайте мне поесть! — громко произнёс Саша и остановился в нескольких шагах от них.

— Что это за пугало! Ты откуда взялся? Смотрите, да он ещё по-немецки говорит!

Саша покорно ждал, при этом внимательно оглядываясь вокруг. Слава Богу, офицеров вблизи не видно. А вскоре он уже весело болтал с солдатами и рассказывал в который раз свою «историю».

— А что у тебя в мешке? — спросил его один из солдат. И Саша вынул баян. Пока все ели, он проиграл им почти весь свой репертуар. Затем предложил помыть грязную посуду, ловко собрал её и пошёл вместе с одним из солдат к реке. Тот продолбил прорубь, и Саша стал мыть миски. Когда солдат на минуту отвернулся, он запустил всю руку в прорубь и измерил толщину льда: рукав промок почти до самого плеча, значит, лёд толстый! Слава богу! Теперь нужно как можно быстрее убираться отсюда — он знал, что скоро должен начаться обстрел вражеских позиций. Но прежде надо передать сведения, батя ждёт их.

Уложиться в заданное время, однако, Саша не успел. Он был ещё у немцев, когда наши самолёты начали сбрасывать первые бомбы. Крепко прижав к себе баян, Саша побежал к «своему» дому. Сильный удар в затылок свалил его на землю. Теряя сознание, он последним усилием воли забрался в дом, взял в окровавленные руки баян и стал передавать: «Танки пройдут по берегу Вислы. Я ранен». Затем он потерял сознание.

Потом, будто во сне, он увидел большие голубые глаза, белокурые локоны. Бледные губы шевелились, но он не понимал ни слова. Он чувствовал, что его куда-то тащат, затем стало опять темно...

В 1978 году Александр Григорьевич Эйхман был приглашён Комитетом польских ветеранов войны в Краков. Там он встретился во второй раз с белокурой девушкой, спасшей ему жизнь. Вероника Костецкая, теперь уже пожилая женщина, была в Кракове связной польских партизан. Вероника не знала, кто был тот мальчик, которого она нашла тогда в развалинах и, перевязав раны, спрятала в доме за городом.

Мальчик из легенды... Саша участвовал в боевых действиях под Краковом вместе с офицером Войска Польского Яном Нечем. Их встреча, правда, была короткой, но они надолго запомнили друг друга. Жители Кракова с благодарностью чтят тех, кто помогал им при освобождении города. Рабочие стеклозавода вручили бывшему советскому солдату диплом, в котором говорилось, что он избран почётным членом коллектива завода. «По заданию советского командования в городе Кракове работал отважный разведчик. Благодаря его мужеству и собранным им сведениям немецкие войска были быстро окружены и взрыв города предотвращён», — говорится в дипломе.

В Кракове, однако, война для Саши Эйхмана не закончилась. После госпиталя он вернулся в свою бригаду. Советские войска гнали врага через всю Польшу, переправились через Одер. Саше приходилось теперь все реже совершать вылазки во вражеский тыл: фашистам было уже не до музыки, и батя не разрешал ему участвовать в боевых действиях. Саше, однако, трудно было удержаться: улыбаясь во весь рот, он вроде бы соглашался с приказом бати, но сам поступал, как считал нужным. Иногда за такое своеволие Охман готов был ему голову оторвать...

Однажды Охману доложили, что Саша уполз, чтобы вытащить с ничейной полосы тяжело раненного офицера. Охман, теперь уже генерал, пришёл в ярость:

— Ну, я покажу ему! Настоящий сатана!

Под огнём фашистов Саша добрался до раненого, вытащил его к своим, а затем пришёл к бате. Попало ему здорово. А когда Саша ушёл, Охман внёс его фамилию в список представляемых к награде. Так Саша получил медаль «За боевые заслуги».

Мальчик из легенды... За годы войны мать Саши пять раз получала похоронки на сына. Четырежды он был ранен, и все-таки Саша остался жить.

После войны Николай Петрович хотел взять мальчика к себе. Но Саша поехал в свою любимую Сибирь, в тайгу.

И по сей день Александр Григорьевич заядлый охотник. Он много и с удовольствием ездит по стране, но с началом охотничьего сезона его ничто не может вытащить из Тюмени. Ещё ни разу в жизни не заблудился он в лесу; он может без особого труда пройти по тайге десятки километров, хотя уже не молод. До сих пор он отличный стрелок. Будучи по профессии инженером и уже много лет живя в городе, он может без

конца рассказывать о жизни любого таёжного зверя. И, как и раньше, он полон энергии. А по торжественным дням на его груди можно увидеть медали: «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и знак «Ветеран Сталинградской битвы»...

1981 год.

ЭЙХМАН АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ
(1930-1987)

Дата рождения: __.__.1930 года; по одним документам он родился в г. Славянске Донецкой области, а по другим — в пос. Заводопетровск Ялуторовского района Омской (ныне — Тюменской) области.

Младший сержант и Гвардии сержант 34-й Гвардейской мотострелковой Вапнярской Краснознаменной ордена Суворова бригады, сын полка. Участие в боевых действиях — Ленинградский фронт с 5.06.42 года, 1-й Белорусский фронт с 20.07.44 года.

Дата и место призыва: 1941 год, Ялуторовский РВК, село Заводопетровское Ялуторовского р-на Омской (ныне —

Тюменской) области.

Воинская часть: 1261 стрелковый полк 381 стрелковой дивизии; 34 гвардейская мотострелковая бригада.

История: сын полка, разведчик, почётный гражданин Кракова, четырежды был ранен — отважный 12-летний герой своей Родины.

Боевые награды: медаль «За отвагу» (1.07.44), медаль «За боевые заслуги» (10.05.45), орден Отечественной войны 1 ст. (1985).

Дата смерти: 1987 год.

Похоронен в Тюменской области.

Рассекречено в соответствии с приказом Министра обороны РФ от 8 мая 2007 года N181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» (с изменениями на 30 мая 2009 года).

2. Гв. красноармеец	Балахонова Виктора Алексеевича	Стрелка 3 роты 1 Могострелкового батальона
3. Гв. красноармеец	Батыргалиева Ескалия	Стрелка 3 Могострелкового батальона
4. Гв. красноармеец	Дегтярь Павла Афанасьевича	Стрелка 3 Могострелкового батальона
5. Гв. красноармеец	Доброходова Григория Петровича	Стрелка 3 Могострелкового батальона
6. Гв. красноармеец	Кулик Ивана Григорьевича	Стрелка 3 роты 1 Могострелкового батальона
7. Гв. красноармеец	Кураспетiani Ноя Максимовича	Стрелка 5 роты 2 Могострелкового батальона
8. Гв. красноармеец	Лопина Ерсая Мартыновича	Стрелка 3 Могострелкового батальона
9. Гв. красноармеец	Мукашева Канат	Стрелка 3 Могострелкового батальона
10. Гв. красноармеец	Одиноца Ивана Васильевича	Стрелка 3 роты 1 Могострелкового батальона
11. Гв. красноармеец	Ревнякова Михаила Николаевича	Стрелка 3 Могострелкового батальона
12. Гв. красноармеец	Сымердикова Гаврила Ардамоновича	Стрелка 3 Могострелкового батальона
13. Гв. красноармеец	Тазудинова Бивтах	Стрелка 3 Могострелкового батальона
14. Гв. красноармеец	Черепанова Николая Евгеньевича	Стрелка 3 Могострелкового батальона
15. Гв. красноармеец	Шевченко Андрея Петровича	Стрелка 3 Могострелкового батальона
16. Гв. красноармеец	Шигабердинова Жисана	Стрелка 5 роты 2 Могострелкового батальона
17. Гв. красноармеец	Ячина Максима Степановича	Стрелка 3 Могострелкового батальона

Медаль "За боевые заслуги"

1. Гв. сержанта	Вихман Александра Григорьевича	Стрелка комендантского взвода
-----------------	--------------------------------	-------------------------------

Командир 34 Гв. Могострелковой Вапнярско-Берлинской Краснознаменной ордена Суворова и Богдана Хмельницкого бригады
Герой Советского Союза
Гвардии полковник

отп. 4 экз.
экз. 1-3 в адрес
экз. 4 в дело
отп. А. Г.

Вихман / ОЖМАН /

P.S. Спустя 65 лет после окончания Великой Отечественной войны и 7 лет после первой публикации документального рассказа «Мальчик из легенды» (он был представлен в рамках II МТК «Вечная Память» к 65-летию Победы), история легендарного

мальчика в 2017 году получила новое продолжение, когда в редакцию журнала снова поступило письмо:

«Здравствуйте! Я внучка Александра Григорьевича... Спасибо Вам большое за историю! Читала и плакала, почему я практически ничего о нем не знала... Он умер вскоре после моего рождения. Теперь есть, о чём поговорить с мамой и бабушкой...».

Пусть знают и помнят потомки!

ИСТОЧНИК: <https://victorycontest.ru/aleksandr-eykhman.html#.Y1AKe3ZBzIU>